

Особенности интенсивного родительства в высокоресурсных многодетных семьях¹

DOI: 10.19181/inter.2021.13.1.4

Ссылка для цитирования:

Дорофеева З.Е. Особенности интенсивного родительства в высокоресурсных многодетных семьях // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2021. Т. 13. № 1. С. 89–105. DOI: <https://doi.org/10.19181/inter.2021.13.1.4>

For citation:

Dorofeeva Z. Y. (2021) Intensive Parenting in High-Resource Multi-Child Families. *Interaction. Interview. Interpretation*. Vol. 13. No. 1. P. 89–105. DOI: <https://doi.org/10.19181/inter.2021.13.1.4>

Дорофеева Злата Евгеньевна

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Москва, Россия;
Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия
E-mail: zdorofeeva@hse.ru

Экспертное знание становится основой для родительских представлений об образовании и воспитании детей. Информация позволяет родителям активно включаться в процесс выбора образовательной траектории для своих детей, а также в его реализацию. Высокоресурсные многодетные семьи встают на путь интенсивного родительства, устанавливая для своих детей высокие образовательные ориентиры и используя собственные ресурсы для их достижения. Учитывая количество детей и накопленный опыт родительства, очевидно, что многодетные семьи имеют особенности в области формирования и реализации образовательной политики в отношении своих отпрысков. В работе показано, что родительский опыт таких семей позволяет более рационально подходить к выбору занятий, тщательнее отбирать образовательные учреждения для своих детей. Такие семьи обычно согласуют свою стратегию со способностями и потребностями каждого ребенка, тем самым формируя индивидуальные образовательные траектории. Утверждается, что важным компонентом образовательного процесса является внутрисемейная образовательная среда, которая обладает свойством саморегуляции.

¹ В статье использованы результаты проекта «Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS HSE)», выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

Стратегия интенсивного родительства в таких семьях предполагает значительные инвестиции в образовательный и воспитательный процесс, требует фокусировки ресурсов на детях, в том числе за счет недоиспользования человеческого капитала родителей на рынке труда (как правило, матерей). Однако именно такая стратегия рассматривается самими родителями как наиболее рациональная.

Ключевые слова: высокоресурсные многодетные семьи; интенсивное материнство; интенсивное родительство; образование детей; человеческий капитал

Научные дискуссии вокруг родительства во многом сосредоточены на тематике включенности матерей в организацию жизни их детей¹. Исследователи говорят о закате «естественного» родительства, которое не предполагало активного вовлечения отцов и матерей в жизнь ребенка. Наблюдается переход к сознательно планируемой стратегии в отношении развития и образования детей [Поливанова, 2015].

В зарубежном научном поле этот процесс активно изучается в нескольких плоскостях, при этом используется разная терминология. Так, А. Ларо называет это «планируемым развитием» (concerted cultivation). В своем этнографическом исследовании на основе 100 интервью с родителями из среднего и низшего классов и включенного наблюдения исследовательница приходит к выводу, что представители разных социальных страт не только по-разному организуют внешкольную деятельность и досуг своих детей, но и используют различный стиль общения с ними [Lareau, 2011]. Она выделила две противоположные по сути логики воспитания детей — «планируемое развитие» (concerted cultivation), характерное для среднего и высшего классов, и логику «естественного взросления» (accomplishment of natural growth), чаще применяемую среди рабочих семей. Ш. Хейс, говоря о модели вложения ресурсов времени, энергии и денег в своих детей, называет этот процесс «интенсивным материнством» (intensive mothering) [Hays, 1996], хотя А. Хохшильд и ряд других исследователей предлагают использовать гендерно-нейтральный термин «интенсивное родительство» [Hochschild, Machung, 1989].

В российском научном поле чаще других используют термин «интенсивное материнство», обозначающий высокий уровень включенности матерей в развитие детей. Важно отметить, что концепт включенной матери не является новым для России. Еще Л. Н. Толстой активно пропагандировал образ идеальной женщины-матери, посвящающей себя своим детям, однако речь шла о высших слоях — «к началу XX века сформировалась культура родительства, основанная на активном участии матери в воспитании детей» [Мицюк, 2015: 23]. Анализ дневников дворянок позволил выделить особый тип женщин, который Н. Мицюк называет «сознательные матери». Наряду с ними

¹ Обзор современных западных социологических дебатов представлен в работе: [Нартова, 2016].

исследователь также выделяет «универсальных матерей», которым «ввиду различных причин удавалось благополучно осваивать несколько социальных ролей: матери, супруги, общественной деятельницы или профессионального работника» [Мицюк, 2014: 22–23], делая при этом оговорку, что, как правило, такие матери имели не более трех детей.

Модель советского «интенсивного материнства» означала совмещение роли женщины в рамках семьи и воспитания детей с ее активным включением в сферу труда и в целом в публичную сферу. В 1990-е годы среди матерей возникла новая тенденция — полный или частичный уход с рынка труда (часто вынужденного), зародился феномен «профессиональной» матери. Относительно благополучный период 2000-х годов, возросший общий уровень образования и его ценность создали возможности и стимулы для вложения больших ресурсов в собственных детей [Исупова, 2015]. Идеология интенсивного материнства становится все более популярной. При этом проявилась и негативная сторона этой тенденции: зарубежные исследователи отмечали, что интенсивное материнство негативно влияет на самочувствие матерей, их удовлетворенность жизнью и уровень счастья [Gimenez-Nadal, Sevilla, 2016]. Матери из таких семей чувствуют себя эмоционально и физически истощенными, а дети вырастают слабомотивированными и склонными к прокрастинации [Hong et al., 2015].

С точки зрения теории человеческого капитала важность усилий, направленных на образование детей, оценивается так же высоко, как инвестиции в здоровье [Flabbi, Gatti, 2018]. Исключительно высоко оцениваются вложения на раннем этапе [Хекман, 2011]. Их отсутствие или недостаток считается трудновосполнимым: «Усилия, направленные на компенсацию недостаточных вложений в ранние годы, гораздо более затратны, чем инвестиции на ранних этапах, сделанные с умом, упущенные возможности развития способностей не восполнить даже ценой значительных расходов» [Ramey, Ramey, 2000: 348].

В России в рамках национальной программы «Человеческий капитал» разработан проект «Образование» (2019–2024 годы), который большое внимание уделяет программам развития и обучения детей в школе¹. При этом исследователи отмечают, что «специфика функционирования института образования требует все более интенсивной родительской вовлеченности» [Исупова, 2015: 187]. Современная российская школа, по сути, ожидает от родителей, имеющих притязания на определенный уровень образования ребенка, активного включения в процесс обучения. Это требует от семьи значительных затрат времени и средств, объем которых, как правило, ограничен. Наличие в семье нескольких детей увеличивает нагрузку на родителей и предполагает, что имеющиеся ресурсы распределяются между членами семьи в некоем соотношении. Следовательно, чем больше детей, тем меньшая доля семейного ресурса достается каждому из них. Именно об этом свидетельствует

¹ Паспорт национального проекта «Образование» (утв. президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам (протокол от 24 декабря 2018 г. № 16)) // Система ГАРАНТ. URL: <https://base.garant.ru/72192486/> (дата обращения: 02.03.2021).

теория распыления ресурсов (Resource dilution theory), истоки которой ведут к понятию «качества» ребенка. Г. Беккер и Г. Льюис предполагают обратную зависимость «качества» ребенка от количества детей в семье [Becker, Lewis, 1973]. Исходя из вышесказанного можно предположить, что образовательные практики высокоресурсных многодетных семей обладают определенными особенностями и представляют научный интерес как объект исследования.

Эмпирическая база

В данной работе представлен *анализ практик высокоресурсных многодетных семей в отношении развития и образования детей* на основе проведенного автором качественного исследования. Эмпирической базой послужила серия из 30 глубинных интервью с многодетными родителями (в основном матерями) Москвы и Воронежа, проведенных в период с ноября 2019 по март 2020 года. Несколько последних интервью проводились в первые недели введения карантинных мер и ввода удаленной работы родителей и дистанционной учебы детей. Поиск респондентов осуществлялся в тематических онлайн-сообществах, а также путем снежного кома. Выбор регионов обусловлен контрастным соотношением уровня благосостояния: по данным ОБДХ¹, в 2018 году среднедушевой доход многодетных семей столицы занимал лидирующие позиции среди всех регионов, в то время как Воронежская область на 77 месте среди 82 обследуемых субъектов.

Кроме того, выбранные регионы существенно различаются по уровню социальной поддержки многодетных семей. Очевидно, что разный уровень благосостояния выбранных регионов предполагает и разный уровень материального положения домохозяйств, однако в данном контексте в задачи исследования входило не определение дохода многодетных семей, а субъективная оценка уровня своего материального благополучия, что и было одним из критериев отбора респондентов для участия в интервью. Таким образом, при разном уровне дохода в двух регионах, выраженном в денежном эквиваленте, были отобраны семьи с сопоставимым уровнем субъективного благополучия.

Важно также отметить, что в задачи исследования не входило сравнение результатов в отобранных регионах, они скорее дополняли друг друга, чем противопоставлялись. Кроме того, число проведенных в каждом из регионов интервью не позволяет осуществить сравнительный анализ Москвы и Воронежа, однако создает более детальную картину изучаемых явлений и процессов.

Многодетные семьи относились к высокоресурсной группе на основе таких показатели, как образование родителей (высшее или средне-специальное), доход (средний и выше по самооценке) и их профессиональная

¹ Микроданные выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств Росстата, GKS_OBDH_2018 (файл FC) // Федеральная служба государственной статистики. 2018. URL: <https://obdx.gks.ru> (дата обращения: 02.03.2021).

группа (руководители, специалисты, квалифицированные работники). Среди дополнительных критериев были зарегистрированный брак, проживание отца в семье и кровное родство детей с обоими родителями. Данные критерии позволили существенно гомогенизировать изучаемую группу. Критерий отдельного/совместного проживания многодетной семьи с другими родственниками не был включен, однако по результатам исследования выяснилось, что все опрошенные респонденты проживали в домохозяйствах, включающих исключительно родителей и детей. В нескольких семьях старшие дети уже проживали отдельно. Большинство семей (и в Москве, и в Воронеже) сообщили об улучшении своих жилищных условий в течение последних нескольких лет, что дает дополнительные основания для отнесения их к высокоресурсной группе.

Возраст респондентов варьировал от 32 до 49 лет. Большинство опрошенных респондентов имеют по 3 детей, восемь опрошенных имеют по 4 детей, двое по 5 детей и одна респондентка — 6 детей. 25 из 30 опрошенных семей имеют детей школьного возраста, еще две семьи имеют хотя бы по одному ребенку, который должен пойти в школу в текущем году. Интервью с родителями включало в себя несколько смысловых блоков, в том числе широкий круг вопросов о трудовых траекториях матерей и текущей занятости отцов, об отношении к многодетным семьям со стороны общества, о государственных и негосударственных мерах поддержки таких семей, о распределении обязанностей между членами семьи, в том числе об организации деятельности, связанной с детьми, и способах их делегации. Для данной работы наибольший интерес представляет блок вопросов об образовательных практиках детей, включенности родителей в процесс, уровне расходов ресурсов семьи (материальных и временных).

Высокоресурсные многодетные семьи как объект исследования

Традиционно к изучению многодетных семей подходят с позиции их социальной уязвимости, соотнесенности с бедностью, рассматривая их в качестве одного из объектов патерналистской социальной политики. Несмотря на меры поддержки, многодетные семьи действительно остаются одной из наиболее уязвимых социальных групп, сохраняя высокие риски попадания за черту бедности. Эта проблема изучена достаточно подробно в российском научном поле, при этом нельзя не согласиться, что «в настоящее время исследования многодетных семей формируют достаточно ограниченный взгляд на эту социальную группу, поскольку не учитывают ее внутреннюю гетерогенность» [Борисова, Павлюткин, 2019: 128]. Учитывая долю многодетных семей, которая, согласно данным микропереписи ОБДХ 2015 года¹, составила 9,1%

¹ Микроперепись населения 2015 // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/population/demo/micro-perepis/finish/micro-perepis.html (дата обращения: 02.07.2020).

от числа семей с детьми, достаточно сложно изучать эту социальную группу детально, используя результаты массовых выборочных опросов, в то же время масштабных исследований многодетных семей практически нет. Однако массовые исследования позволяют оценить численность изучаемой группы и проследить ее динамику.

Данные Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ¹ (RLMS-HSE) за 2019 год фиксируют 10,8% многодетных семей от числа семей с детьми, из них лишь 14% имеют доходы выше среднего значения. Данные указанного выше замера ОБДХ за 2018 год аналогично определяют долю многодетных семей — 10,7%, 13% из которых можно отнести к среднедоходным и высокодоходным группам.

Понятие *высокоресурсность семьи* в логике данной работы означает не только учет среднедушевого дохода семьи, но и уровень образования родителей. На первом этапе работы к высокоресурсным были отнесены семьи, в которых хотя бы один из родителей имел высшее образование. Однако в процессе работы с литературой и данными к ним были также добавлены семьи, родители в которых имеют средне-специальное образование, поскольку ученые все чаще утверждают, что образовательный капитал становится значимым лишь в случае его умелого использования на рынке труда [Гимпельсон, 2016], а также констатируют факт снижения символической и реальной значимости вузовского диплома как капитала [например, Константиновский, Попова, 2020].

Важно отметить, что, согласно данным RLMS-HSE, наблюдается значительный рост доли многодетных родителей, имеющих высшее образование, — с 11% в 2004 до 28% в 2019 году; доля имеющих средне-специальное образование составила 19%. Данные ОБДХ, к сожалению, не позволяют выделить с высокой степенью точности многодетных отцов, а среди матерей доля людей с высшим образованием выросла — с 19% в 2010 году до 25% в 2014 году², ситуация со средне-специальным образованием практически не изменилась, составляя около 30%. В абсолютном выражении число выделенных высокоресурсных многодетных семей в разных исследованиях составляет лишь несколько десятков в одной волне, что, разумеется, не позволяет проводить сколько-нибудь значимый анализ, используя данные одной волны. Однако благодаря широкому спектру вопросов, представленных в базе, такой анализ дает возможность изучить социально-экономическое положение изучаемой группы. Для более глубокого погружения в изучаемый предмет необходимо использовать более «прицельные» и тонкие социологические методы, например, метод глубинных интервью, применяемый в представленном исследовании.

¹ Проводится Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» и ООО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел Хилле и Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН. Сайты обследования RLMS HSE: <http://www.cpc.unc.edu/projects/rhms> и <http://www.hse.ru/rhms> (дата обращения: 02.07.2020).

² Переменная «Код матери» доступна только в волнах 2010–2015 гг.

Результаты исследования

Современное образование детей, предполагающее возможность выбора образовательной траектории, требует от родителей целого комплекса знаний и компетенций, чтобы воспитывать, развивать детей, а также выстраивать подобную траекторию. Помимо специализированной литературы рынок предлагает родителям широкий спектр курсов и тренингов. Обладая достаточно высоким уровнем образования (практически у всех опрошенных и их супругов высшее образование, несколько человек имеют степень кандидата наук), родители ставят высокую образовательную планку не только для своих детей, но и для себя, продолжая развиваться, учиться и совершенствоваться в сфере детско-родительских отношений, осваивая методики обучения и изучая программы развития:

«Когда они появлялись, их больше становилось, очень много читала, занималась, чтобы включиться в эту проблематику» (Н., 46 лет, 4 детей, Воронеж).

Взросление детей также требует новых знаний и навыков, в том числе в области выстраивания отношений:

«Я очень рада, что у меня нет другой какой-то работы, я могу посвящать время тому, чтобы “прокачаться” в психологии, во взаимоотношениях и стать профессиональнее в этом плане, потому что для меня очень важна моя семья, мои дети и то, как мы их воспитываем» (О., 35 лет, 4 детей, Москва).

Благодаря накопленному опыту со старшими детьми раннее развитие в многодетных семьях, как правило, осуществляется либо силами самих родителей (чаще мамой), либо через посещаемые младшими детьми занятия, число которых у последующих детей минимизируется. Раннему домашнему развитию детей матери стараются уделять достаточно времени, однако при наличии старших детей очевидно, что этот объем времени не сопоставим с тем, который уделялся первенцу. Кроме того, снижается и объем времени, уделяемого старшим детям. Это, с одной стороны, служит поводом для поиска новых стратегий и практик, но одновременно может служить источником стресса:

«...Когда как раз родился третий ребенок, моим старшим детям не хватало внимания. (...) Мне было очень жаль, что я не могу уделить им всем внимание, потому что маленький ребенок забирал полностью все внимание. И я была вынуждена укладывать старших без всяких книг, просто потому что у младшего был уже сон. У меня не было возможности дать детям что-то для развития» (Н., 34 года, 3 детей, Москва).

В систему образования, как показал анализ проведенных интервью, дети включаются примерно за один-два года до школы. Родители признаются, что со старшими детьми их образовательная стратегия часто была более интенсивна, но и более хаотична:

«...Учитывая свои ошибки на первом ребенке, как у всех родителей, я поняла, что старшему было дано всего слишком много, слишком рано чего-то, надо под это все подстраиваться. И он-то был один, и его легко было — захотел в два года посмотреть, как он малюет, понятное дело, что и дома малевать мы могли. Перестала я идти на поводу у своих желаний и амбиций, что надо все сразу» (Т., 33 года, 3 детей, Москва).

Наличие нескольких детей заставляет родителей более рационально подходить к выбору занятий и их количеству. При этом имеющийся опыт и уровень притязаний в области обучения детей побуждает родителей тщательно подходить к выбору образовательных учреждений. В стремлении передать образовательный капитал родители стараются подобрать наиболее подходящий вариант — более трети опрошенных семей выбрали для своих детей «нестандартные» школы: частные, вальдорфские¹, школы с углубленным изучением отдельных предметов, школы для одаренных детей. Нередка ситуация, когда дети из одной семьи учатся в разных школах. Опрошенные объясняли это разными образовательными потребностями и способностями детей, к которым многие родители относятся с большим вниманием. Среди важных критериев при выборе школы называли атмосферу, отношение к детям, школьную жизнь помимо самих уроков, социальное окружение. Высокое положение школы в рейтингах в этом списке также присутствовало, но скорее как дополняющий общую картину критерий. «Обычная» школа нередко представляется неким обезличивающим институтом, взращивающим массового ученика в противовес индивидуальности, институтом, в котором форма важнее содержания:

«...Количество бессмысленного чего-то, что нужно обязательно... что нужно родителям. Сама атмосфера школьная, все эти классы, родительские собрания, сами родители. Очень многие родители озабочены только программой, только олимпиадами, только развитием. Не состоянием детей, что они там едят, как они друг друга называют, как они проводят время. И учителя этим не озабочены совершенно. А это такая большая часть школьной жизни, не меньшая, чем эта образовательная часть. И она провалена в обычной школе. И поэтому мне кажется, туда не надо ходить» (М., 49 лет, 4 детей, Москва).

¹ Вальдорфские школы работают в русле альтернативной педагогической системы, основанной на антропософских представлениях. В младших классах (в некоторых школах до старших классов) отсутствуют оценки. Учебный материал дается тематическими блоками, которые могут охватывать несколько школьных предметов. Большое внимание уделяется духовному развитию, ручному труду.

Несколько опрошенных сказали, что их дети находятся на семейном (домашнем) образовании¹. Свой выбор они обосновывали недостаточным уровнем качества образования или психологическими особенностями ребенка, требующими, по их мнению, более внимательного отношения.

Помимо школы у подавляющего большинства детей из опрошенных семей достаточно большой объем нагрузки в сфере дополнительного образования. Приняв во внимание тот факт, что уже к 14 годам закрепляются основные академические способности [Нескман, 1995], такое поведение родителей вполне обосновано. В среднем дети из опрошенных семей посещают по четыре-пять дополнительных занятий в неделю. В дошкольном и младшем школьном возрасте, как правило, сферы этих занятий наиболее разнообразны. Разнообразие сужается при поступлении в музыкальную, художественную или спортивную школу. В старших классах занятия с репетиторами дополняют или полностью вытесняют внешкольное образование. Большинство детей из опрошенных семей заняты в сфере дополнительного образования почти ежедневно:

«Да, плотно. Очень хорошо, дети должны быть плотно заняты, чтобы никаких мыслей даже не было на смартфоны, это не наш вариант» (Н., 46 лет, 4 детей, Воронеж).

Образование является одной из ключевых ценностей, формирующих определенные семейные практики, которые сначала поддерживаются родителями, а затем начинают воспроизводиться самими детьми:

«...Когда детей несколько, это как замкнутая система такая получается, они как-то помогают, обучают, воспитывают» (Е., 38 лет, 3 детей, Москва).

В отношении образования, пожалуй, ключевой особенностью многодетности является воспроизводство внутрисемейной образовательной среды, изначально формируемой родителями. Безусловно, поддержание образовательной среды в семье — задача, решение которой в первую очередь ложится на плечи родителей. Однако с каждым последующим ребенком, принимающим внутрисемейные ценности, возрастает число членов, поддерживающихся образовательных практик, характерных для данной семьи:

«Как они друг от друга учатся — это, конечно, космос, потому что у меня [старшая дочь] была одна, я как вспоминаю, я покупала какие-то горы игрушек, пыталась ее этими игрушками завлечь. (...) А друг с другом... что надо учиться, они друг от друга черпают. У меня младшая — ей вообще никто не нужен, они сидят уроки делают сами, сидят учатся. (...) Они в этой атмосфере растут, третий ребенок черпает

¹ Результаты исследования, проведенного Кафедрой социологии семьи и демографии МГУ, также подтверждают, что сторонники домашнего образования — это, как правило, многодетные [Жуйкова, Ляликова, Карпова, 2018].

очень много, и уже не нужно таких вложений искусственных со стороны родителей. Кружки или что-то еще. (...) У нее есть сестры, которые у нее на глазах увлеченно занимаются языками по скайпу» (Е., 38 лет, 3 детей, Москва).

Старшие братья и сестры в многодетных семьях часто становятся референтными лицами для младших, своего рода эталоном, именно их поведение является образцом для подражания. Аспекты сиблинговой позиции в многодетных семьях, в частности роль первенцев, активно изучаются психологами. В данном же исследовании важно подчеркнуть, что образовательный стандарт, который семьи выбирают для старшего ребенка, они стараются поддерживать и с последующими детьми. При этом в процессе изменения внешних условий, что прежде всего связано с увеличением числа детей и необходимостью перераспределения ресурсов, стратегия постепенно трансформируется, в том числе за счет включения в систему новых акторов — детей.

Семья, принимая поведенческие паттерны интенсивного родительства, встает на путь «планируемого развития», ставя образование детей в приоритет, что происходит, как правило, за счет полного или частичного ухода матери с рынка труда — только 5 матерей из 30 опрошенных семей имеют полную стандартную занятость¹. Типичной же ситуацией в опрошенных семьях является выстраивание рабочего графика матерей в зависимости от расписания занятий детей или даже карьеры — в зависимости от траектории образования младшего поколения:

«...Последние 10 лет жизни посвящены детскому образованию. Для меня это основная цель, основная задача» (Е., 41 год, 3 детей, Москва).

Такая детоцентристская стратегия не способствует профессиональному росту матери, но позволяет сфокусироваться на развитии и воспитании детей. А образовательный капитал матерей, не задействованный в настоящий момент на рынке труда, трансформируется во внутрисемейный ресурс.

Выстроить образовательную траекторию ребенка с учетом множества факторов — непростая задача. Очевидно, что, как и во многих других сферах, при выборе дополнительных занятий «семейные стратегии выстраиваются неслучайным образом — они закономерно соотносятся с составом семьи, профессиональным статусом родителей и культурным капиталом» [Поливанова и др., 2020: 18]. Разобраться в многообразии возможного выбора траектории, выбрать подходящую, договориться с педагогами, решить административные и технические вопросы и встроить занятия в расписание детей — задача, за которую в подавляющем большинстве случаев берутся прежде всего матери. Отцы достаточно активно подключаются на разных этапах, но дирижерская роль почти всегда остается за женщиной. *«Вы звоните супруге, она там лучше знает какие-то моменты» (М., 37 лет, 3 детей, Воронеж) — типичная ситуация,*

¹ Подробнее о занятости опрошенных матерей: [Дорофеева, 2020].

когда все нестандартные вопросы мужа предпочитают решать не в одиночку. На родительские собрания матери ходят чаще, ни в одной из опрошенных семей это не является прерогативой отца, хотя по возможности отцы также стараются подключаться, например, в те моменты, когда несколько собраний проходит одновременно.

Высокий уровень образовательной нагрузки требует значительных ресурсов для сопровождения детей на занятия. Как уже отмечалось выше, многие родители внимательно относятся к выбору образовательных учреждений, и если относительно детского сада возникающий выбор между удаленностью от места проживания и качеством предоставляемых услуг чаще делается в пользу первого, то начиная со школы, и особенно в средней и старшей школе, вопрос расстояния уходит на второй план. На практике это означает серьезный объем ежедневных логистических задач, требующий дополнительных ресурсов. Умение водить машину оказывается одним из наиболее востребованных практических навыков, наличие автомобиля в многодетной семье сокращает временные затраты.

Почти все опрошенные семьи владеют хотя бы одним автомобилем, треть из них имеют в домохозяйстве по две машины, в большинстве пар оба родителя имеют водительское удостоверение. В двух семьях активно пользуются каршерингом. При наличии нескольких детей дошкольного или младшего школьного возраста автомобиль становится первой необходимостью. В нескольких семьях получение водительского удостоверения происходило в ожидании очередного ребенка, что свидетельствует о сознательно выбранной стратегии рационализации собственных ресурсов:

«Нереально никуда ездить на транспорте, и так были проблемы с тремя, поэтому мы купили машину, сдавали вместе на права» (М., 37 лет, 4 детей, Воронеж).

Другим более кардинальным решением вопроса, прозвучавшим в нескольких интервью, является смена места жительства, что с учетом ежедневной логистической нагрузки представляется вполне рациональным выбором:

«Мы специально переехали поближе к школе, и теперь это занимает 15 минут» (Л., 37 лет, 4 детей, Воронеж).

Хотя встречается и обратная стратегия — со сменой места жительства семья продолжает возить детей на прежнее место учебы, осознавая ценность отобранных ранее занятий и преподавателей:

«Переехали, но это не мешает нам ездить [на дополнительные занятия]. (...) Тут большое предложение, но (...) я решила не менять. Так же, как и со школой» (Т., 33 года, 3 детей, Москва).

Нахождение же подходящего детского сада или школы поблизости оценивается как большая удача:

«Нам повезло, в шаговой доступности — очень хороший детский сад, школа, поэтому нам не пришлось выбирать» (В., 40 лет, 3 детей, Воронеж).

Из-за большого количества ежедневных логистических задач именно эта часть чаще всего делегируется бабушкам, дедушкам, няням, водителям, друзьям и знакомым, чьи дети ходят на те же занятия, или старшим детям. Разработкой же логистического плана, установлением договоренностей с участниками процесса, как правило, занимаются матери. При этом в интервью неоднократно звучала мысль о том, что развоз детей по занятиям — это не механическая работа, для самих матерей это возможность пообщаться с детьми, когда те могут поделиться своими переживаниями, это важная часть поддержания эмоционального контакта:

«Договариваемся [в машине после школьных занятий], что каждый по два предложения говорит. И так по кругу, они со мной два предложения, тогда они мирно соглашаются (...). Я сижу, конечно, досадно, что они друг друга перебивают, но, с другой стороны, я рада, что это вошло в привычку — с мамой поговорить» (Н., 46 лет, 4 детей, Воронеж).

Часто только в эти непродолжительные моменты у ребенка из многодетной семьи есть редкая возможность остаться с матерью наедине и поговорить о чем-то, что особенно важно для подростков:

«...Моя основная функция, что я просто их сажаю в машину: допустим из точки А в точку Б десять минут, за десять минут нужно переодеть, поменять портфель и покормить. И желательно покоммуницировать, чтобы быстро продумать, как себя вести. У нас очень тесная связь — единственный плюс того, что я не работаю. То есть я занята ими, они это знают, они мне все-все рассказывают» (Н., 44 года, 3 детей, Москва).

По нашим оценкам, у семей уходит 10–15 часов в неделю (меньше в Воронеже, больше в Москве), чтобы отвезти и забрать детей с занятий, и это не воспринимается родителями как нечто выходящее за рамки. В вопросе определения удаленности проявились существенные различия в восприятии в зависимости от региона. В Воронеже расстояние, которое можно пройти пешком за 15 минут, с сомнением относилось к «шаговой доступности», в Москве же под понятием «недалеко» подразумеваются гораздо бóльшие расстояния:

«...Относительно недалеко, полчаса на машине или 40 минут общественным транспортом» (С., 35 лет, 3 детей, Москва).

Помимо временных затрат в ходе интервью родителям предлагалось оценить долю семейного бюджета, которая уходит на оплату образования детей. При относительно сопоставимых затратах времени, которое дети проводят на занятиях, их стоимость и требуемая для их оплаты доля бюджета существенно различаются: оценки колебались от 1–2% до 60%. Такой разброс объясняется, с одной стороны, доступом к бесплатному образованию, в том числе дополнительному, с другой — достаточно высокой стоимостью частного образования. особенно при расчете на нескольких детей: наибольшие финансовые затраты несут семьи, в которых дети учатся в негосударственных школах. В среднем же респонденты оценивали расходы на образование детей в пределах 15–30% от общесемейного бюджета, считая эту долю вполне приемлемой. В контексте острой нехватки ресурсов респонденты чаще говорили о времени, чем о финансах. Тем не менее, отвечая на вопрос о наиболее полезных льготах, многие многодетные родители отмечали нехватку льготных предложений именно в сфере детского образования.

Заключение

Родительство в многодетных высокоресурсных семьях развивается в русле канонов современного интенсивного материнства и отцовства. Наличие разного рода ресурсов позволяет таким семьям перераспределять нагрузку: один из супругов (как правило, мать) практически полностью посвящает свое время детскому воспитанию и образованию, организуя и контролируя образовательную деятельность детей, что происходит обычно за счет недоиспользования собственного человеческого ресурса на рынке труда. Такая стратегия согласуется с современными представлениями о «хорошей матери», в том числе отраженными в работе Ш. Хейс [Hays, 1996].

Как показал проведенный анализ интервью, интенсивное родительство в высокоресурсных многодетных семьях имеет ряд важных отличительных особенностей, связанных в первую очередь с числом детей и соотношением располагаемых ресурсов:

- образовательный капитал, материальные ресурсы и накопленный опыт со старшими детьми позволяют многодетным родителям шире видеть ситуацию и увереннее ориентироваться в поле возможных вариантов образования для их детей, исходя из способностей и потребностей каждого ребенка, что приводит, по словам респондентов, к более рациональному выбору в сфере основного и дополнительного образования;
- накопленный опыт также ведет к уменьшению внесемейных практик раннего развития младших детей по сравнению с опытом в отношении старших детей;

- наряду с опытом выбор в сфере основного и дополнительного образования диктуется ограниченностью временных ресурсов семьи, что вызвано в первую очередь наличием большого числа ежедневных логистических задач, решение которых неизменно приводит к необходимости приобретения навыка вождения автомобиля;
- несмотря на достаточно высокие финансовые возможности родителей, наличие нескольких детей в семье требует разумного распределения этих средств между детьми, в том числе с учетом возможностей каждого ребенка;
- распределяется также и фокус родительского внимания, что позволяет избежать проблем, присущих интенсивному родительству в малодетных семьях;
- в формировании образовательных практик, навыков обучения важнейшую роль играет семья [Хекман, 2011]. За счет включения в этот процесс не только родителей (или иных значимых взрослых), но и самих детей эти навыки получают возможность синтезирования, самовоспроизводится внутрисемейная образовательная среда, что является, пожалуй, ключевой особенностью высокоресурсных многодетных семей.

Высокие требования к образованию детей и наличие ресурсов в опрошенных многодетных семьях расширяют образовательные возможности. В ходе интервью многие родители говорили, что удовлетворены текущими результатами выбранной стратегии инвестирования в образование, отмечая высокие показатели успеваемости детей не только в школе, но и в области дополнительного образования (например, в музыке или спорте). Очевидно, что успеваемость детей — результат комплексной работы, подразумевающей не только интенсивные вложения не только родителей, но и самих детей.

Литература

Борисова О. Н., Павлюткин И. В. Вариативность моделей современной городской многодетности: возрождение традиции, новые браки или сетевые эффекты? // Мир России. 2019. Т. 28. № 4. С. 128–151. DOI: <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2019-28-4-128-151>

Гимпельсон В. Е. Нужен ли российской экономике человеческий капитал? Десять сомнений // Вопросы экономики. 2016. № 10. С. 129–143. DOI: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2016-10-129-143>

Дорофеева З. Е. Трудовые траектории высокоресурсных многодетных матерей // Социологический журнал. 2020. № 4. С. 79–95. DOI: <https://doi.org/10.19181/soc-jour.2020.26.4.7644>

Жуйкова К. В., Ляликоса С. В., Карпова В. М. Семейно-домашнее обучение как модель образования будущего: аналитический отчет по результатам социологического исследования / Под общ. ред. А. И. Антонова. М.: ООО «МАКС Пресс», 2018. 145 с. DOI: <https://doi.org/10.29003/m248.978-5-317-06030-5>

Исупова О. Г. Материнская карьера: дети и трудовые стратегии // Социологические исследования. 2015. № 10. С. 185–194.

Константиновский Д. Л., Попова Е. С. Среднее vs высшее // Мир России. 2020. Т. 29. № 2. С. 6–26. DOI: <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2020-29-2-6-26>

Мицюк Н. А. Конструируя «идеальную мать»: концепции материнства в российском обществе начала XX века // Журнал исследований социальной политики. 2015. Т. 13. № 1. С. 21–32.

Мицюк Н. А. Типы российских дворянок начала XX века по отношению к собственной фертильности и материнству // Женщина в российском обществе. 2014. № 2. С. 17–29.

Нартова Н. А. Материнство в современной западной социологической дискуссии // Женщина в российском обществе. 2016. Т. 80. № 3. С. 39–53. DOI: <https://doi.org/10.21064/winrs.2016.3.4>

Поливанова К. Н. Современное родительство как предмет исследования // Психологическая наука и образование psyedu.ru. 2015. Т. 7. № 2. С. 1–11. DOI: <https://doi.org/10.17759/psyedu.2015070301>

Поливанова К. Н. и др. Образование за стенами школы. Как родители проектируют образовательное пространство детей. М.: Изд. дом ВШЭ, 2020. 384 с. DOI: <https://doi.org/10.17323/978-5-7598-1986-8>

Хекман Дж. Политика стимулирования человеческого капитала (пер. с англ. Е. Покатович) // Вопросы образования. 2011. № 3. С. 73–137. DOI: <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2011-3-73-137>

Becker G., Lewis H. On the Interaction between the Quantity and Quality of Children // Journal of Political Economy. 1973. Vol. 81. № 2. P. 279–288. DOI: <https://doi.org/10.1086/260166>

Flabbi L., Gatti R. A Primer on Human Capital. Policy Research Working Paper № 8309. Washington: World Bank, 2018.

Gimenez-Nadal I., Sevilla A. Intensive Mothering and Well-Being: The Role of Education and Child Care Activity. Institute for the Study of Labor (IZA) Discussion Paper № 10023. Bonn, 2016.

Hays S. The Cultural Contradictions of Motherhood. New Haven: Yale University Press, 1996. 252 p.

Heckman J. Lessons from the Bell Curve // Journal of Political Economy. 1995. Vol. 103. № 5. P. 1091–1120. DOI: <https://doi.org/10.1086/262014>

Hochschild A. R., Machung A. The Second Shift. New York: Avon, 1989.

Hong J. et al. Parental Monitoring and Helicopter Parenting Relevant to Vocational Student's Procrastination and Self-Regulated Learning // Learning and Individual Differences. 2015. Vol. 42. P. 139–146. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.lindif.2015.08.003>

Lareau A. Unequal Childhoods: Class, Race, and Family Life. 2nd ed. Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 2011. 343 p. DOI: <https://doi.org/10.1525/9780520949904>

Ramey C., Ramey S. Early Childhood Experiences and Developmental Competence // Securing the Future: Investing in Children from Birth to College / Ed. by S. Danziger, J. Waldfogel. New York: Russell Sage Foundation, 2000. P. 122–152.

Сведения об авторе:

Дорофеева Злата Евгеньевна — научный сотрудник, Центр лонгитюдных обследований Института социальной политики, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия. **E-mail:** zdorofeeva@hse.ru; **РИНЦ Author ID:** 501435; **ORCID ID:** 0000-0003-2099-624X

Статья поступила в редакцию: 09.12.2020

Принята к публикации: 26.02.2021

Intensive Parenting in High-Resource Multi-Child Families

DOI: 10.19181/inter.2021.13.1.4

Zlata Ye. Dorofeeva

*HSE University, Moscow, Russia;
Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia
E-mail: zdorofeeva@hse.ru*

Current views about parenting involves the use of expert knowledge in the field of education and upbringing. The available variety of information and opportunities in this area requires parents to engage actively not only at the stage of choosing an educational trajectory for their children, but also in the process of their implementation. Large families with a fairly high income and education set a high educational level for their children, embarking on the path of modern intensive parenting, they use their own resources to achieve results. However, it is obvious that large families, taking into account the number of children and the accumulated experience of parents, have some features in this area. Thus, the work shows that parenting experience in such families allows a more rational approach to the choice of activities and their number, while carefully selecting educational institutions for their children, often depending on the abilities and needs of each child, creating individual educational trajectories. It is also noted that an important component of the educational process is the formation of an intra-family educational environment, which in large families has the ability to self-regulate and recreate. The chosen strategy of intensive parenting, which involves a significant amount of investment in the educational and upbringing process of children, requires focusing resources on children, including through the underutilization of the human capital of parents in the labor market (usually mothers). However, this strategy is considered as the most rational by parents.

Keywords: high-resource multi-child families; intensive mothering; intensive parenting; children education; human capital

References

- Becker G., Lewis H. (1973) On the Interaction between the Quantity and Quality of Children. *Journal of Political Economy*. Vol. 81. No. 2. P. 279–288. DOI: <https://doi.org/10.1086/260166>
- Borisova O. N., Pavlyutkin I. V. (2019) Variativnost' modelej sovremennoj gorodskoj mnogodetnosti: vozrozhdenie tradicii, novye braki ili setevye efekty? [The Revival of Tradition, New Marriages or Network Effects: Variability of Models of Large Modern Urban Families]. *Mir Rossii* [Universe of Russia]. Vol. 28. No. 4. P. 128–151. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2019-28-4-128-151>
- Dorofeeva Z. E. (2020) Trudovye traektorii vysokoresursnyh mnogodetnyh materej [Work Trajectories of High-Resource Multi-Child Mothers]. *Sotsiologicheskij zhurnal* [Sociological Journal]. No. 4. P. 79–95. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.19181/socjour.2020.26.4.7644>
- Flabbi L., Gatti R. (2018) *A Primer on Human Capital*. Policy Research Working Paper No. 8309. Washington: World Bank.
- Gimenez-Nadal I., Sevilla A. (2016) *Intensive Mothering and Well-Being: The Role of Education and Child Care Activity*. Institute for the Study of Labor (IZA) Discussion Paper No. 10023. Bonn.
- Gimpelson V. E. (2016) Nuzhen li rossijskoj ekonomike chelovecheskij kapital? Desyat' somnenij [Does the Russian economy need human capital? Ten doubts]. *Voprosy ekonomiki* [Issues of Economics]. No. 10. P. 129–143. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2016-10-129-143>
- Hays S. (1996) *The Cultural Contradictions of Motherhood*. New Haven: Yale University Press. 252 p.
- Heckman J. (1995) Lessons from the Bell Curve. *Journal of Political Economy*. Vol. 103. No. 5. P. 1091–1120. DOI: <https://doi.org/10.1086/262014>

Heckman J. (2011) Politika stimulirovaniya chelovecheskogo kapitala (per. s angl. E. Pokatovich) [Policies to foster human capital]. *Voprosy obrazovaniya* [Educational Studies], No. 3. P. 73–137. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2011-3-73-137>

Hochschild A., Machung A. (1989) *The Second Shift*. New York: Avon.

Hong J. et al. (2015) Parental Monitoring and Helicopter Parenting Relevant to Vocational Student's Procrastination and Self-Regulated Learning. *Learning and Individual Differences*. Vol. 42. P. 139–146. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.lindif.2015.08.003>

Isupova O.G. (2015) Materinskaya kar'era: deti i trudovye strategii [Mother Career: Children and Employment Strategies]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], No. 10. P. 185–194. (In Russ.)

Konstantinovskiy D. L., Popova E. S. (2020) Srednee vs vysshee [Vocational vs Higher Education]. *Mir Rossii* [Universe of Russia]. Vol. 29. No. 2. P. 6–26. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2020-29-2-6-26>

Lareau A. (2011) *Unequal Childhoods: Class, Race, and Family Life*. 2nd ed. Berkeley and Los Angeles: University of California Press. 343 p. DOI: <https://doi.org/10.1525/9780520949904>

Mitsyuk N. (2014) Tipy rossijskikh dvorjanok nachala XX veka po otnosheniju k sobstvennoj fertil'nosti i materinstvu [The Types of Russian Noblewomen at the Beginning of the XX Century in Relation to Their Fertility and Motherhood]. *Zhenshchina v rossijskom obshchestve* [Woman in Russian Society]. No. 2. P. 17–29. (In Russ.)

Mitsyuk N. (2015) Konstruiruya «ideal'nyu mat'»: koncepcii materinstva v rossijskom obshchestve nachala XX veka [Constructing the 'Ideal Mother'. The Concept of Motherhood in Russian Society in the Beginning of XX Century]. *Zhurnal issledovanij social'noj politiki* [The Journal of Social Policy Studies]. Vol. 13. No. 1. P. 21–32. (In Russ.)

Nartova N. (2016) Materinstvo v sovremennoj zapadnoj sociologicheskoy diskussii [Motherhood in contemporary Western sociological debate]. *Zhenshchina v rossijskom obshchestve* [Woman in Russian Society]. Vol. 80. No. 3. P. 39–53. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21064/wins.2016.3.4>

Polivanova K.N. (2015) Sovremennoe roditel'stvo kak predmet issledovaniya [Parenting and Parenthood as Research Domains]. *Psihologicheskaya nauka i obrazovanie psyedu.ru* [Psychological Science and Education psyedu.ru]. Vol. 7. No. 2. P. 1–11. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.17759/psyedu.2015070301>

Polivanova K.N. et al. (2020) *Obrazovanie za stenami shkoly. Kak roditeli proektiruyut obrazovatel'noe prostranstvo detej* [Education Beyond School Hours: How Parents Are Designing Educational Spaces for Children]. M.: Izd. dom VShE. 384 p. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.17323/978-5-7598-1986-8>

Ramey C., Ramey S. (2000) Early Childhood Experiences and Developmental Competence. In: Danziger S., Waldfogel J. (eds.) *Securing the Future: Investing in Children from Birth to College*. New York: Russell Sage Foundation. P. 122–152.

Zhuykova K.V., Lyalikova S.V., Karpova V.M. (2018) *Semejno-domashnee obuchenie kak model' obrazovaniya budushchego: analiticheskij otchet po rezul'tatam sociologicheskogo issledovaniya* [Family-home education as a model for the education of the future: an analytical report based on the results of a sociological survey] / Ed. by A.I. Antonov. Moscow: OOO "MAX Press". 145 p. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.29003/m248.978-5-317-06030-5>

Author bio:

Zlata Ye. Dorofeeva — Researcher, the Center for Longitudinal Studies at the Institute for Social Policy, HSE University; Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia. **E-mail:** zdorofeeva@hse.ru; **RSCI Author ID:** 501435; **ORCID ID:** 0000-0003-2099-624X

Received: 09.12.2020
Accepted: 26.02.2021